

М. И. Воротынского, подрывали доверие Грозного к князьям-воеводам. В 1563 году был разработан лично Грозным план похода на литовский город Полоцк. До царя дошли известия, что воеводы хотят изменить. Поступил донос на князя Владимира Андреевича и его мать Евдокию. В 1564 году из Юрьева бежал в Литву вместе с несколькими служилыми людьми главный московский воевода князь А. М. Курбский. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. В письме к Курбскому Грозный писал: „Вы почали против меня болши стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти“.¹ В январе 1565 года Иван Грозный уехал в Александровскую слободу, откуда прислал две грамоты: первую — к духовенству, князьям и боярам, приказным и служивым людям; вторую — „к гостям, купцам и ко всему православному христианству града Москвы“. В первой грамоте Грозный перечислял „измены“ княжат и боярства, начиная со смерти Василия III, т. е. старые и новые измены. Народу Грозный писал, „чтобы они никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет“. В 1565 году были казнены виднейшие представители княжья: князь А. Б. Горбатовый с сыном, его родственники; тогда же были арестованы несколько князей Оболенских, князь П. А. Куракин-Булгаков, Д. И. Немой-Оболенский, И. И. Яковлев, Л. А. Салтыков, В. С. Серебряный-Оболенский; П. М. Щенятев подвергнут опале и затем убит.² „Неизбежность такой политики опричного террора, ее объективная необходимость диктовалась тем, что в борьбе против царя князья и бояре не останавливались ни перед какими средствами, вплоть до попытки выдачи Ивана Грозного польскому королю“.³

Казни родовитого боярства и княжья были глубоко продуманным мероприятием Грозного. В письме к Курбскому он пишет: „А в иных землях сам узриш, елико содевается злым злая. То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любить; а в иных землях израдец не любят: казнят их, да тем утверждаются... ино таких собак везде казнят“.⁴

Вот это именно политическое мероприятие Грозного и отразил автор „Казанской истории“ в словах: „вся мятежники старья избив“. Но почему автор выбрал такую форму, не упомянув об опричнине? Ответ нужно искать в том обстоятельстве, что в официальных документах этот термин не употреблялся. Московская дипломатия в наказах иностранным послам внушала мысль, что никакой опричнины не существует. Так, в апреле 1566 года литовскому гонцу Ф. Юрша на вопрос его об опричнине было наказано отвечать: „у государя... некоторые опричнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю служат правдою, и те при государе живут блиско; а которые желали неправды и те живут от государя подале“.⁵ Пребывание Ивана Грозного в Александровской слободе было наказано объяснить так: „Государская воля, где хочет, тут живет, а то село блиско Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство правит на Москве, и в слободе“.⁶ Можно полагать, что автор „Казанской истории“ придерживался официальной точки зрения на освещение политики Ивана Грозного периода 1564—1566 годов.

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 210.

² П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 13—20.

³ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 93—94.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 31.

⁵ Сборник РИО, т. 71, стр. 331.

⁶ Там же, стр. 591.